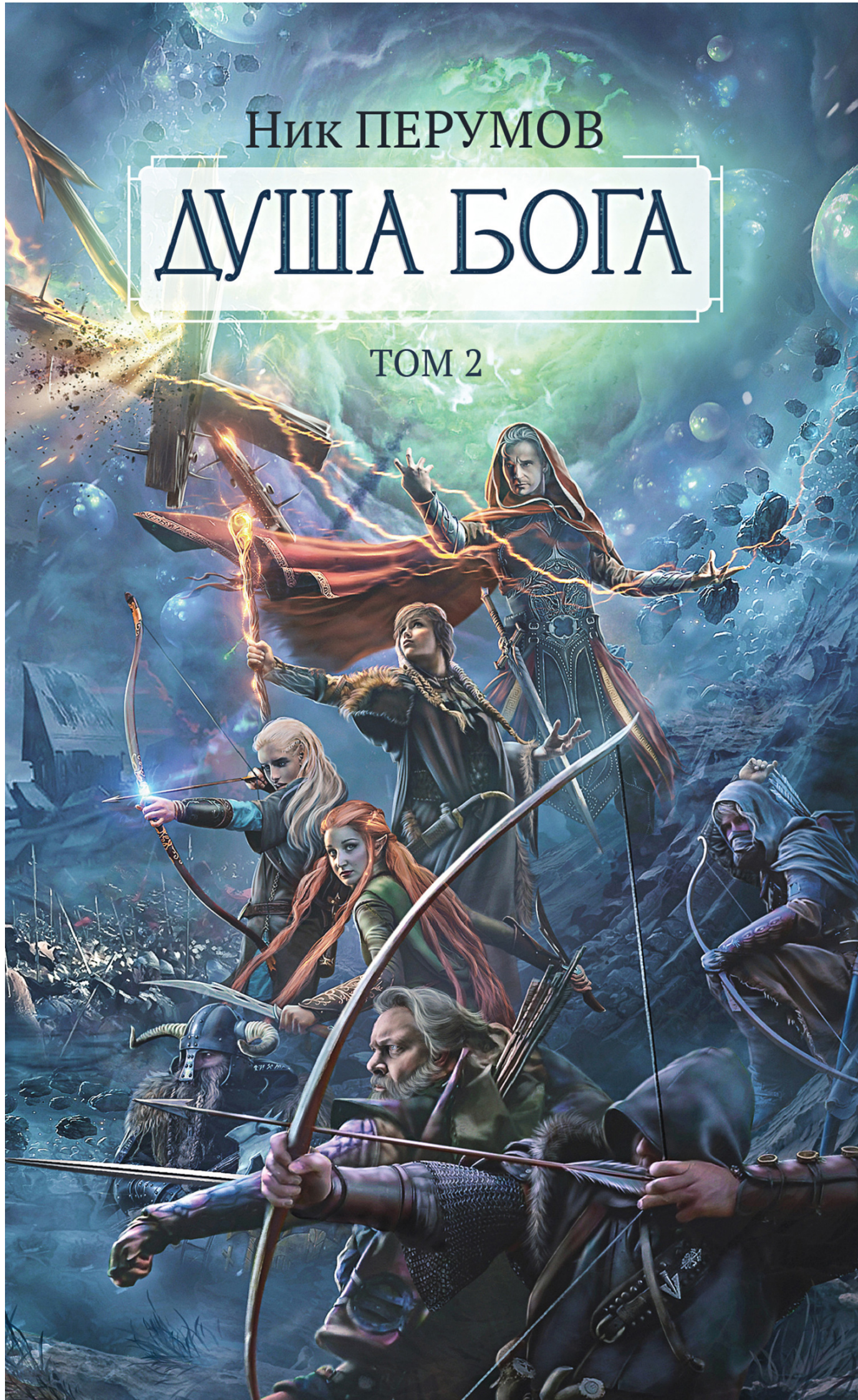

НИК ПЕРУМОВ

ДУША БОГА

ТОМ 2

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Душа Бога. Том 2

«Феникс»

2022

Перумов Н.

Душа Бога. Том 2 / Н. Перумов — «Феникс», 2022 — (Миры Упорядоченного)

Самое масштабное эпическое полотно в отечественной фантастике. Цикл, ставший классикой русского фэнтези. Один из самых больших литературных русскоязычных фэндомов. Всё это — «Гибель богов» Ника Перумова! История, начатая больше тридцати лет назад, подошла к своему завершению. Мы узнаем, что случилось со всеми героями саги, смертными и бессмертными, уцелела ли вселенная Упорядоченного и вышел ли кто-нибудь победителем в схватке вселенских сил. В день, когда заканчиваются все пути, открываются все двери и находятся ответы на все вопросы. В день Рагнарёка, истинной гибели богов.

© Перумов Н., 2022

© Феникс, 2022

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ник Перумов

Душа Бога. Том 2

Пролог

Белый тигр Барра ждал очень долго. Во всяком случае, ему так казалось, потому что голод подступал к нему не один раз. Тогда он охотился, никогда не отходя далеко от Границы.

Там, за чертой, колыхался серый туман. Он тоже был хищным, в нём пропадали другие обитатели Межреальности, слишком сильные, чтобы быть осторожными, или слишком глупые.

Клубящаяся завеса, в которой исчезал след хозяйки Райны, казалась непреодолимой; однако тигр умел ждать, а ещё он твёрдо знал неведомым инстинктом, что нет таких преград, из-за которых никто никогда не показывается, как нет и таких логовищ. Любая тварь, сколь угодно хитрая и коварная, рано или поздно себя проявит, даже если и не сдвинется с места.

И настал миг, когда скрывавшиеся за туманным пологом не смогли уже больше прятаться.

Потянуло кровью. Подул ветер, неся на крыльях запах беды, отчаяния и смерти. Мук и ужаса, гибельной опасности, исчезающих надежд. Серая завеса раздувалась, в ней появлялись прорехи, они затягивались быстро, но всё-таки недостаточно быстро, чтобы опередить стремительного тигра.

Он не думал, что случится с ним, стоит ему нырнуть в один из этих разрывов. Да и деваться ему было некуда – туманный купол рос, быстро расширялся, и отступать стало бессмысленно.

Граница двигалась всё стремительнее, и твердь Упорядоченного под лапами Барры начала сперва содрогаться, потом крошиться, потом таять – льдинки, подхваченные внезапно закипевшей рекой.

Тигр сперва бежал, потом мчался, а под конец – летел. Снизу, сверху, по бокам вспыхивало пламя, горела сама Межреальность, распадалась, под тонкими покровами испаряющейся тверди раскрывались поистине бездонные провалы, ведущие неведомо куда. Катились незримые валы силы, сметаю острова Междумирья и их обитателей, обращая всё в ничто, в нечто, тоньше и незримее пыли.

Тигр ни на что не обращал внимания. Ибо, несмотря на царящий вокруг хаос, несмотря на пламя и едкий дым, несмотря на катящуюся завесу всеуничтожительного тумана, он уловил впереди след хозяйки. Она была там, точно и несомненно; тигр распластался в прыжке, лапы оттолкнулись от пустоты – здесь мчалось бурным потоком столько силы, что даже он, всего лишь магический зверь, не колдун, не чародей, мог от неё оттолкнуться.

Под ним возникали крошечные, тотчас исчезающие островки тверди; серая стена поднималась уже совсем рядом, но имелись в ней и разрывы, откуда на свободу рвался невиданный и невидимый поток мощи.

Он мог зажигать звёзды, творить миры и прокладывать новые тракты в неоформленном. Он потеснил бы сам Хаос; он был почти как Пламя Неуничтожимое, полыхавшее в самый первый миг творения.

Почти – но не оно.

Белый тигр нырнул в первый разрыв, метнулся в сторону, проскользнул в следующий, затем в ещё один и ещё. Они тотчас смыкались, словно разумные, пытающиеся уловить Барру сущности, но тигр ещё одним прыжком одолел очередной распахнувшийся прямо перед ним провал, и туманный купол остался позади.

На него обрушилась лавина запахов, звуков, огней, лавина стремительной силы, здесь завитой причудливыми узорами; за пределами серой завесы она всё уничтожала, тут, напротив, творила, поддерживала. Перед тигром вновь расстилалась твердь, здесь была привычная тяга, как в большинстве миров; здесь было небо, но словно бы рассечённое, смотрящее на Барру исполинским многофасеточным взглядом быстрокрылой стрекозы. Где-то небо заливала тьма, где-то полыхали нестерпимо-яркие светила; где-то расправляли дивные крылья огненные птицы-фениксы; где-то свивали кольца золотые драконы, где-то устремлялись с высот белокрылые орлы.

А впереди... впереди кипела битва, и тигр знал – это её запах, её кровь достигли его ноздрей. Где-то там, среди множества незримых следов, плутал след хозяйки. Её следовало отыскать, немедленно.

Тигр не знал и не мог объяснить, как и почему это понимал; однако не сомневался ни на йоту – скоро здесь ничего не останется, ничего воплощённого, ничего, что сможет дышать и жить. И хозяйки не станет тоже, а этого допустить он не мог. Нет, нет, это невозможно, нельзя, никак!..

Впереди лился дневной свет; справа лежали сумерки, а слева – глубокая ночь. Какие-то крылатые твари пронесли над тигром, перекликаясь пронзительно и режуще; в них был страх, несмотря на всю свирепость и жажду убийства.

Барра много встречал подобных чудищ; если такие удирают без оглядки, ясно, что впереди – пожар, пылают леса и заросли, и негде укрыться, кроме как в небесах.

Вздываются впереди стволы векового леса, пахнет водой, гнилью, хвоей, папоротником – тигр бывал в таких мирах. Он не знает слов «гниль», или «хвоя», или «папоротник», но они ему и не нужны.

Из тьмы справа доносится жуткий рёв и тотчас – отчаянные крики. Ужас, боль, там сейчас гуляет смерть, смерть кошмарная и мучительная, но тигр даже не поворачивает головы. Хозяйки там нет, а драться он станет, лишь если ему преградят дорогу к ней.

Перед ним лес, а в небе над вершинами, в радостном и светлом сиянии, в голубой лазури, сталкиваются и вновь разлетаются двое – белый орёл и золотой дракон.

Барра ощущает толчки силы, они катятся с небес подобно волнам, и тигр, магическое существо, впитывает их, жадно окунается в них, это словно прохладная влага в жаркий полдень, когда не отыскать и самой короткой тени.

Вперёд!..

Из сумерек справа доносится хлопанье множества крыл, гортанные вскрики, и снова – крики, крики, крики. Кто-то собирает там кровавую жатву.

Лес. Мшистые стволы, хвоя под лапами, звон насекомых, запахи мелкой добычи; но Барра знает, что всё это лишь игра силы. Могучие тёмные ели есть лишь призраки в потоке магии, ничего больше.

Где-то тут рядом хозяйка.

К её запаху примешиваются иные, Барра их знает – минотавры. Знает и не любит.

Зачем хозяйке эти тупые быки, если у неё есть Барра?

Лес становится всё гуще, а в высоте хлопают вновь бесчисленные крыла. Летят, бьют воздух, всё ближе и ближе, и вместе с ними летят несдерживаемая злоба и неутолимый голод.

Голод, что терзает только мёртвых.

Скорее, Барра, скорее!.. Хозяйка прошла здесь совсем недавно. А эти твари даже быстрее тебя!..

Стволы вокруг вдруг начинают угрожающе скрипеть и раскачиваться. Кто-то, быть может, сказал бы, что за них взялась незримая длань какого-то исполина, но тигр Барра таких вещей не знает. Он просто мчится, растягиваясь в невероятных прыжках, белой молнией

сквозь предательский лесной сумрак. За ним рушатся деревья, словно тут бушует настоящий ураган, рушатся и рассыпаются призрачной пылью – они больше не нужны...

Небо над тигром темнеет, бесчисленные крылья закрывают светило, слитное кожистое хлопанье, резкие, дикие, ни на что не похожие вскрики – стая летит на охоту.

Всё, лес позади, – вернее, позади плещущиеся волны серого тумана, вздымающиеся и вновь опадающие. Перед тигром только узкая тропка тверди, а впереди, на крошечном пяточке суши, сгрудилось сколько-то минотавров, и среди них – хозяйка.

В небе кружит чёрная воронка гигантского живого смерча – крылатые создания вьются над поневоле сбившимися в кучку минотаврами. Кто-то из них вскинул оружие, но Барра знает, что это уже не поможет. Ничего не поможет, кроме его быстроты.

Вьющиеся бестии больше всего напоминали огромные пасти, к которым для чего-то приделаны короткие крылья, как у летучих мышей. Они кружатся всё быстрее, быстрее, набирают скорость – и обрушиваются вниз сплошной лавиной.

Барра сорвался с места, распластался над тропой; она тоже рушилась и исчезала, всё «реальное» перестало быть нужным.

Тигр не знает высоких слов. Зато он знает, что хозяйку надо спасти, и не «любой ценой» – а просто спасти.

Тигр не знает множества слов, зато он знает, что такое любовь.

Райна

...После той твари Дальних всё пошло как-то совсем скверно. Минотавры схватились с «троллем, что под мостом», и громадное большинство их там и осталось. Битва длилась и длилась, и Райна готова была поклясться, что мёртвые, пронзённые костяными крюками твари, минотавры поднимались вновь, снова кидаясь в безнадёжную схватку.

Сейчас Деве Битв казалось – она всем существом своим ощущает отчаяние и ярость бойцов, их боль, предсмертный ужас, трепет последней агонии; и внезапное возвращение, новые силы, новая попытка, оборачивающаяся лишь новой болью.

И всё это становилось силой, исторгаемой у сражавшихся.

Их душам некуда было уходить, и они оставались прикованы к телам.

И продолжали биться.

– Оставь их, звездноокая, – прохрипел минотавр Барх, кого валькирия с немалым трудом вытащила из побоища под мостом. – Оставь, это ренраз!

– «Ренраз»?

– Судьба, звездноокая. Оставь их своей судьбе, а нас веди дальше.

«Веди дальше», легко сказать! Куда тут вести, в сплошной мгле, среди обманных и лживых видений?

– Гляди, доблестная!

Туман волновался, завесы его расходились, перед Райной и минотаврами поднимались мрачные вершины древнего елового бора.

«Ты победила, Дева Битвы. А теперь пора, возвращайся, первый из Кругов Земных тобою пройден. Ступай по тропе смело, велик и страшен Железный Лес, и придётся тебе в него ещё вернуться...» – припомнила Райна сказанные ей слова.

Что ж, круг второй, надо понимать.

– Железный Лес, братья! – Она вскинула меч. – Железный Лес, его надо пройти.

Никто из её воинов не спросил, зачем.

Узкая тропа вилась меж вековых стволов. Лес недобро молчал, лишь где-то высоко в вершинах перекликались мрачные голоса.

Минотавры озирались да крепче стискивали оружие. Однако даже здесь, в непривычной для них чаще, ловко сбили ряды, сдвинули щиты, у кого они оставались после схватки с троллем у моста. Барх, лишившийся одного рога, вышагивал рядом с валькирией.

– Звездоокая... – понизил он голос. – Есть ли выход отсюда?

– Не ведаю, храбрый Барх. Знаю лишь, что сражаться надлежит так, чтобы оказаться достойной песен и саг. Даже если их некому будет рассказать.

– Но кто теперь враг?

– Любой, кто преградит нам путь.

...Сперва всё шло хорошо. Выскочила мохнатая шестирукая тварь, замолотила кулачками – Барх и остальные смели её с тропы прежде, чем Райна успела вскинуть меч. Повалилось поперёк дороги дерево, прямо в лица полетели колючие стрелы каких-то горбунов-пигмеев – минотавры мигом составили щиты «черепашей» и взяли преграду штурмом, деловито растоптав писклявых нападавших.

Отряд валькирии приободрился, дружно топал по мягкой лесной дорожке; Барх даже затянул боевую песню, мол, нечего нам таиться, пусть все видят, кто идёт!

Второй круг, думала Райна. Второй круг.

Прорицание вёльвы имело три части. В первой – пророчилась гибель старым асам, в том числе и Отцу Богов, Старому Хрофту... её отцу. Во второй – в бой вступало молодое поколение, дети богов, повергая рано торжествующих победу убийц. И в третьей – мир погибал, несмотря ни на что, ибо вспыхивало и сгорало мировое древо, рушился небесный свод, а земля погружалась в бездонное море.

Если так, то второй круг должен стать нашей победой. Мы потеряли многих и многих в той схватке у моста; немногие уцелевшие должны были отомстить убийцам, неважно, в какую телесную форму им будет благоугодно облечься.

После горбатых карликов вновь наступило затишье. Минотавры, как могли, перевязали своих, раненных короткими и тонкими, но очень острыми стрелами – хоть никто заметно не пострадал; затопали дальше.

И, сами того не ожидая, вдруг оказались на открытом месте.

А за спиной, в небесах над верхушками леса, столь же внезапно захлопали бесчисленные тёмные крылья.

Трогвар

Обычно, когда ведёшь в бой армию полудемонов, нет нужды заботиться об их боевом духе. Эти твари ненавидят всё и вся, включая своего непосредственного командира. Крылатому Псу, Трогвару, соратнику самого Восставшего, достались не просто полудемоны, но стражи великой вивлиофики владыки Ракота, и, как оказалось, полудемоны сколько-то образованные.

Дух Познания каким-то образом извлёк их из времён, когда ещё не пала Тёмная Цитадель, так что сотник Храбах с упоением повествовал Крылатому Псу о славных победах легионов Тьмы – «при Золотом Холме, при Песчаных Демонах, при Потухших Звёздах»; не только о тех, где командовал сам Трогвар, но и об иных – о великой засаде в Межреальности, когда рати Тьмы окружили и уничтожили целую эльфийскую армаду, сумевшую выйти в Междумирье на громадных кораблях, движимых сильнейшей магией; о том, как много дней держался дотла выжженный светлыми ратями никому не ведомый мирок, превратившийся в настоящую мясорубку – он притягивал к себе все тропы, какие только могли проложить слуги Ямерта. Владыка Ракот создал здесь «чёрный аттрактор», завязав и заплетя пути так, что воинства светлых долго бились в каменные бастионы, пока наконец рати Восставшего не «отступили в полном

порядке», на прощание взорвав укрепления, подземелья и донжоны, похоронившие под собой «неисчислимые множества коварных врагов».

Сотник Храбах рассказывал живо и образно, правда, слишком уж увлекаясь эпитетами в превосходных степенях.

Он рассказывал, а потом вдруг умолк на полуслове. И остальные полудемоны умолкли также, потому что в этот миг всех и каждого достигла беззвучная команда «вперёд!».

Разворачивались кожистые крылья, бойцы Трогвара тяжело отрывались от здешней тверди.

«Лети прямо. Повергай всех, кто преградит тебе путь».

«И всё? – мелькнуло у Крылатого Пса. – Владыка Ракот доверял нам куда более сложное!»

«Ты не представляешь, что именно тебе предстоит совершить».

«Что именно, великий? Отдай настоящий приказ!»

«Ты всё увидишь сам и примешь решение. Иначе ничего не получится. Куклы здесь не нужны».

Голос Золотого Дракона, холодный, бесстрастный, звучал в его ушах, отдаваясь неприятной болью.

«Вперёд».

Стены тумана поднимались справа и слева, отрезая отряд от остальных частей воинства великого Орлангура, указывая путь – именно что вперёд и только вперёд.

Крылья самого Трогвара мерно трудились, ветры магии несли вперёд массивное тело. Сотник Храбах не отставал. Крокодилья пасть приоткрыта, щит наготове, копьё наперевес.

Сила выделявала тут странные фокусы, да и время тоже. Может, кто другой бы и не почувствовал, но не Крылатый Пёс – он помнил это жуткое ощущение, когда проваливался в открытую владыкой Ракотом бездну, и подземный огонь терзал его смертную человеческую плоть.

Вот и сейчас с ним творилось нечто подобное. Время словно перестало существовать.

...Первую преграду они смели играючи, хотя и с некоторым смущением. Орды пошаты-вающихся скелетов брели, волоча за собой ржавое оружие; неуклюжие и не опасные для крылатых созданий, они, тем не менее, для Храбаха и остальных были явно воинами владыки Ракота.

– Вожатый?..

– Это не наши!.. Это обман Ямерта!.. Атакуй, сотник! – проревел Трогвар, складывая крылья.

В сомнениях или без, но демоны выполнили приказ. Длинные копья ударили, срывая черепа, ломая рёбра и позвонки. Миг – и твердь оказалась вся усеяна слабо шевелящимися костяками; правда, они упрямо пытались подняться, иные, вслепую шаря вокруг руками, тиснились подобрать сбитые с плеч черепа.

Разве это враг? Это те самые куклы, о которых говорил Золотой Дракон, – так, ощутить вкус боя. Воинство Трогвара пронеслось над покрытым костями полем; впереди вздымались угрюмые вершины леса, и поднявшиеся ещё выше стены тумана оставляли один-единственный путь. Конечно, можно было свернуть, но волю Дракон выразил более, чем чётко.

Впереди над лесом вдруг взвилась тёмная стая каких-то летучих существ, крупных, с доброго волка. Суматошно колотя воздух, они помчались прочь, словно избегая схватки с демонами Трогвара.

Твари эти ничем не угрожали его отряду, можно лететь дальше, но отчего-то Крылатый Пёс решил последовать за ними. Врагов тут пока не просматривалось, а этакая стая... едва ли она столь дружно снялась с насиженного места и едва ли кого-то всерьёз испугалась. Почуяли добычу? Врага? Всё лучше, чем просто тянуть над мрачным лесом в ожидании непонятно чего.

Вот он, край глухой пущи; выбегает из неё узкая тропка, катится меж невысокими холмами, поросшими густым кустарником. Острые тёмно-зелёные листья – Трогвару показалось,

он узнаёт растительность с южной оконечности полуострова в Эвиале, где стоял город Ордос с его магической академией.

И вот там, среди кустов, застыла кучка странных созданий – высокие, мощные, с бычьими головами. Минотавры!..

Странная раса. Иные племена их служили владыке Ракоту; иные встали на сторону Ямерта и его присных. Единства среди них так и не составилось, каждый род следовал собственной воле.

Среди высоченных минотавров мелькнула стройная фигура, чуть пониже, не столь коренастая и крепкая, в облившей тело броне.

«Пришло время, – сухо сказал Дракон. – Враг перед тобой. Повергни его!»

«Они не преграждают нам путь, – возразил Трогвар. – Мы можем лететь и дальше!..»

«Пришло время», – повторил Дух Познания и исчез.

Крылатый Пёс подчинился.

– Атакуем! – он сложил крылья, камнем падая вниз.

О́дин

Туман сомкнулся за спинами Старого Хрофта и его названного племянника, волка Фенрира. Все звуки умерли, навалилась тяжкая тишина, грохот сражения исчез, словно никогда и не было.

– Куда теперь, дядя?

– Прямо. – Отец Дружин вскинул молот, составлявшие его молнии змеились, как живые. – Никуда не сворачивая. Теперь это уже не имеет значения. Битва сама найдёт нас.

– Великан Сурт...

– Забудь о нём, волк. То, что осталось сзади, – так, ничего не значащая потасовка. Я думаю, Силы Мира извлекают мощь из этого жертвоприношения, иначе зачем всё это учинять?

Под ногами сухо хрустела земля. Безжизненная, твердь эта, собственно, не была даже землёй – здесь ничто не росло, не бегало, не ползало, не порхало. Перед Древним Богом и его волком лежал широкий коридор меж серых туманных стен, истинная дорога в никуда.

– Они заставят нас биться друг с другом, – тоскливо сказал сын Локи. – Они забрали всё, что мы могли дать им живыми, и теперь ждут, чтобы забрать всё у мёртвых.

– Из тебя, племянник, вышел бы отличный скальд, – ухмыльнулся Отец Дружин, но Фенрир лишь потряс мохнатой головой.

– Я бы хотел уметь оборачиваться человеком. Почему у моего отца мы получились такими, дядя? В чём наша вина?... Может, породившая нас прокляла и меня, и Йорма, и Хель ещё в собственном чреве?

– Нашёл время и место, – буркнул Старый Хрофт.

Туман поднимался всё выше и выше, колыхался, неяркий свет царил вокруг – свет не жизни и не-смерти.

– Ни есть не хочу, ни пить, – сказал волк. – Такого не бывало, дядя. Даже когда я сидел на привязи, и жажду мою утоляла магия, я всё равно её чувствовал. А теперь – ничего.

– Время стоит, – отозвался хозяин Асгарда.

– Всё стоит. Ждёт. Я чувую, великий О́дин, – почти торжественно провозгласил Фенрир. – Большинство тех, что явились сюда вместе с нами, уже расстались с жизнями. Души их заперты тут вместе с нами и долго не могут покинуть тела, отчего и кажется, что мёртвые встают, чтобы драться вновь... Как ты сказал – «им нет смерти». На самом деле есть. Только она коварна и бесчестна.

Старый Хрофт даже приостановился, недоумённо глядя на спутника.

– Одиночество поневоле делает философом, дядя, – печально ответил волк, перехватив взгляд старшего аса.

– Никогда б не подумал, что ты способен философствовать, племянник. Но с чего ты взял, что быющие здесь-таки умирают? Мы видели совсем иное.

– Чую. – Волк запрокинул голову, приняхался. – Сколько-то раз их души возвращаются, да. Ударившись о преграду, одолеть которую не в силах.

– И всё это ты чуешь?

– Дым от того чёрного великана. – Фенрир всё втягивал ноздрями недвижный воздух. – Он поднялся высоко, но не рассеялся. Достиг незримого нам свода и потёк обратно, словно утратив порыв. Так и души, дядя. Взмывают, бьются о клетку и падают вниз.

– Так, выходит, они и не погибнут, верно?

– Погибнут, дядя. Возвращаясь, душа отдаёт часть силы. Потом ещё, ещё и ещё. До тех пор, пока от неё не останется совсем ничего. Всё достанется тем, кто запер нас здесь.

Старый Хрофт лишь изумлённо покачал головой.

– А теперь будь готов. – Волк резко присел, нагнул шею, ошетинился.

Туман впереди сошёл на миг, а когда расступился, там стояла фигура в золотистых доспехах, в высоком шлеме с гребнем. Звякнуло откинтое забрало.

– Привет тебе, Отец Богов, владыка Асгарда. Привет тебе на поистине последней битве.

– Привет и тебе, Гульвейг, Мать Ведьм. Зачем ты пришла? Хозяин погнал? Для чего? Ему, я думаю, и так всё видно.

– Он оказывает тебе честь, Отец Богов, – возразила Гульвейг. – Тебе, волку и мне. Он сам будет следить за этой схваткой.

– Тогда что мы теряем время? – прорычал Фенрир. Глаза его горели, с клыков капала слюна – истинный Зверь Рагнарёка, да и только. – Пусть враг окажет себя! И пусть это будет не та подделка, не то чучело, что мы повергли совсем недавно!

– Враг будет. – Гульвейг протянула руку, словно приглашая полюбоваться. – Воззри, Отец Дружин.

Серые стены опадали, втягивались в здешнюю твердь. Открывались бесконечные ряды мрачных столетних елей, густая поросль их застыла, подобно войску.

– Железный Лес. – Старый Хрофт поудобнее перехватил молот. – Обиталище великанш и ведьм. Где-то тут ты и родился, племянник. Что ж, идём. Раз уж сегодня время таких встреч.

Гульвейг легко шагала рядом с ними, словно броня на ней ничего не весила.

– Кого ты приготовила нам? Уж не саму ли Ангрбоду, мать Волка, Змея и Хель?

Фенрир глухо зарычал.

Шаг, другой – и вот уже никаких следов тумана, низкие серые облака затягивают небо, но это уже самые обычные облака. Железный Лес недобро молчит, однако он не совсем безмолвен – что-то хрустнет, что-то стукнет, перекликнутся в отдалении мрачные голоса неведомых птиц.

Тропа повернула, выведя к широкому оврагу, с бегущим по дну ручейком среди зарослей папоротника. Через овраг перекинута замшелое бревно, а на другой стороне...

Волк даже не зарычал, он захрипел в ярости.

Потому что там, на противоположном краю, стояла женская фигура – половина тела ала, словно сырое мясо, и половина – мертво-синюшного цвета. Длинные чёрные волосы спускаются на плечи. Прямо смотрят бесцветные глаза.

– Сестра Хель.

– Брат Фенрир, – откликнулась она.

– Этого не было в пророчествах!

– Меня в них вообще не было, – согласилась владычица царства мёртвых. – Но сегодня такой день, что пророчества должны исполняться, неважно, поминают они тебя или нет. Ты готов, Волк?

– К чему я должен быть готов? – оскалился сын Локи. – Зачем ты вообще здесь, сестра?

– Затем, – грустно сказала Хель, – что мертвецов, как и встарь, прибирать, кроме меня, некому. А мертвецы здесь почти все. Если бы не воля Третьей Силы, тут давно остались бы только Древние Боги, такие, как мы, кого затянуло в этот пузырь.

– Не ведаю, о чём ты, – прорычал Фенрир. – Отойди, сестра. Не много было меж нами любви, но кровь для меня священна. Отойди и не пытайся помешать владыке Асгарда.

– Я помогаю, – вздохнула владычица царства мёртвых. – Помогаю себе, вам, всему существу.

– Пустые слова! – оскалился волк. – Отойди, я сказал!

– Спокойно, племянник. – Старый Хрофт выступил вперёд. – Племянница, в страшный день Боргильдовой битвы ты исполнила данную мне клятву. Вышла на бой, вывела своё воинство. И – погибла. Дай же теперь пройти, не заставляй меня поднимать на тебя оружие, племянница.

– Во мне нет твоей крови, Ас Воронов, – возразила Хель. – Мой отец – твой названный брат. А здесь я для того, чтобы прибрать тебя, владыка Асгарда, как только исполнятся пророчества.

– Какие ещё пророчества? – Старый Хрофт шагнул на бревно. – День Рагнарёка так и не наступил. Дважды я думал, что он приходит, и дважды ошибался. Сперва – в канун Боргильдовой битвы, и вот сейчас. Нет никаких пророчеств, дочь моего названного брата, уж коль тебе так угодно себя называть. Есть просто бой, и надо победить. Уйди с дороги, предупреждаю в последний раз.

– Не могу, – Хель развела руками. – Я здесь, чтобы исполнить положенное – прибрать мертвецов. Что станется потом со мной и с ними – не ведаю. Но таково условие...

– Чьё?

– Сил, устроивших всё это, конечно же.

– Условие чего?

Хель понурилась, уродливо-длинные руки её бессильно упали вдоль нелепого великанского тела.

– Что я смогу увидеть своего мужа, Нарви. Хотя бы один раз – перед самым концом. А конец ждёт всех, кто оказался здесь и сейчас, Ас Воронов. Поэтому нет смысла – нет смысла ни в чём. Но я хочу увидеть Нарви.

Старый Хрофт пожал по-прежнему могучими плечами.

– Тогда дело решит поединок, Хель.

– Ты не понял, Древний. Поединка не будет. Сражаться с тобой придётся вот ему, – и дочь Локи указала на Фенрира. – Мой брат должен исполнить то, за чем пришёл в этот мир.

– Что?! – зарычал волк. – Не бывать этому!.. Безумная вёльва опилась настойки из мухоморов, вот и вещала невеста что!..

– Ты знаешь, что не опилась, – кротко ответила Хель. – Просто свела всё вместе. Исполни своё предназначение, брат!

– Моё предназначение, – не поддался Фенрир, – помогать великому Óдину, Владыке Асгарда, носителю Гунгнира, Отцу Дружин и Асу Воронов. Я больше не верю пророчествам, сестра. И тебе нет нужды в них верить – встань рядом с нами, это будет славная битва!..

Хель едва заметно улыбнулась – печально, кротко, совсем не как полагалось кошмарной владычице царства мёртвых.

– Здесь не с кем сражаться, маленький брат. Те, кто нас сюда загнал – до них не дотянуться. Мы можем лишь исполнить своё предназначение. Отдать силу тем, в чьей власти ею распорядиться.

Волк взревел – именно взревел, словно разом сотня боевых рогов. Глотка его извергла поистине невозможный для простого зверя звук, тело взмыло, перечеркнуло пространство над оврагом – словно серое копье мелькнуло. Лапы ударили Хель в грудь, дочь Локи отбросило; Фенрир навис над ней, распахнул пасть, готовый перегрызть горло.

Старый Хрофт вступил на скользкое бревно.

Это место пыталось притвориться обычной землёй, с лесами и оврагами, чащами и ручьями; но истинный Железный Лес был настоящим, живым лесом, хоть и мрачным, и жутким.

Гулльвейг, доселе застывшая недвижимым изваянием, вдруг оказалась у него за спиной. Скрипнула броня, Отец Дружин ощутил пришедшую в движение силу.

Он успел повернуться, успел даже размахнуться сотканным из молний молотом; но Мать Ведьм всё равно оказалась быстрее. Её собственный клинок мелькнул, рубанул вкось, и покрытый мхом ствол рухнул вниз.

Разом и Хель извернулась, голыми руками вцепилась в шею волка; чудовищные челюсти Фенрира сошлись на горле Хель, но из-под клыков брызнула чёрная гниль, а не кровь.

Волк поперхнулся, захрипел, а из ран на шее Хель поднимались тёмно-серые дымные струйки, словно змеи, опутывали сына Локи, норовили вползти в уши, вцепиться в глаза, и волк, взыв от боли, отскочил, яростно трясая головой, сбрасывая призрачных пресмыкающихся.

Хель поднималась, но не как живое существо, пусть и владычица царства мёртвых; нет, её словно поднимали за незримые ниточки, точно куклу-марионетку. Из оставленных клыками Фенрира рваных ран сочился серый дым, вился кольцами; словно живой, слагался в змеевидные жгуты, раскачивающиеся бесчисленными головами.

Волк не сдавался. Сбросив и растоптав последнюю из вцепившихся змей, он вновь изговаривался к прыжку – пока Старый Хрофт карабкался вверх по глинистому и скользкому склону.

Проклятая ведьма, предала-таки. Ударила в спину!..

«А не надо было оставлять её за плечами!...»

Вся пропитанная водой, словно после только что прошедшего ливня, земля предательски разъезжалась под ногами. Зацепиться было не за что, и Древний Бог барахтался на дне оврага, словно подгулявший мастеровой после ярмарки где-нибудь в Бирке или Хедебю.

– Прости, великий бог, – раздалось позади. – Но Хель права – нам осталось исполнить последнее своё предназначение.

Бело-голубоватые молнии, составлявшие бестелесный молот в руке Старого Хрофта, яростно шипели и плевались искрами, словно и в самом деле придя в бешенство. Отец Дружин размахнулся – и метнул оружие так же, как метал в своё время Тор, его сын.

Гулльвейг успела вскинуть клинок, пытаясь защититься – молот ударил прямо в неё, смял, отбросил вместе с мечом, и Мать Ведьм рухнула бесформенной грудой искореженного железа, словно и не прикрывали доспехи живой плоти.

Старый Хрофт поднял руку и ничуть не удивился, когда молот послушно вернулся ему в ладонь. Остро и свежо пахло грозой.

Наверху, где только что раздавалось яростное рычание Фенрира, всё внезапно смолкло. Отец Дружин с размаху всадил молот в скользкий откос, подтянулся, перехватил, уцепился за какой-то корень – и оказался нос к носу с волком.

Фенрир молча глядел на Старого Хрофта. Из пасти его лениво тянулись вниз, свиваясь причудливыми кольцами, струйки густо-серого дыма.

Хель замерла на одном колене, правая рука пытается зажать раны на шее; из-под ладоней тоже сочится серый дым, такой же, как и из пасти волка.

Фенрир глухо заворчал.

Отец Дружин одним рывком вздёнул себя на край оврага, поспешно отступил от склона.

– Сделала своё черное дело, Хель? Сумела зачаровать собственного брата? Чтобы только исполнилось бы пророчество? Но как насчёт второй его части – да, Волк должен сразить Отца Богов, но и сам пасть от руки моего сына, Видара? Волка вижу. Отец Богов тоже тут. Где Видар? А иначе какое-то странное пророчество!..

Шерсть на хребте Фенрира встала дыбом. Из пасти продолжали течь струйки дыма – вместо положенной слюны.

– Неважно, Ас Воронов. – Хель с трудом удерживалась, чтобы не рухнуть. – Я получу то, что хотела, пусть и перед самым концом. Он обещал, а он никогда не нарушает данного слова.

– Ты умираешь, Хель.

– Умираю, да. Но я уйду последней, закрыв глаза Нарви. И взмолюсь всем светлым, что было во мне, чтобы великий план тех, кто свёл всех нас здесь, исполнился бы в точности.

Волк рычал всё громче, но прыгнуть никак не решался.

– Немного стоят твои пророчества, дочь Локи, если для их исполнения нужно одурманить и заколдовать исполнителя.

– Это... чтобы... тебе было легче, Отец Богов, – выдохнула Хель. Её дрожащая рука бессильно соскользнула, открывая зияющую рану, оставленную зубами волка – та словно стала ещё больше, дыра расплзалась, плоть истлевала на глазах, распадаясь тем самым тёмно-серым дымком. Потянуло гноем, гниением, распадом.

– Ты умираешь сама, владычица мёртвых, – жёстко молвил Старый Хрофт. – Какой тебе Нарви?.. Смотри, тело твоё...

– Тело это... – теперь уже из губ дочери бога огня тянулись струйки тёмного тумана. – Тело это исполнило предназначение. Оно дожждётся... окончания вашего поединка. Фенрир! Исполни, что должен!..

Волк наконец поднял голову. Взглянул на замершего Отца Дружин.

– Племянник, ты не должен!..

Фенрир внезапно улыбнулся – за миг до того, как зашёл в кашле, извергая из глотки потоки дыма, словно запыхавшийся дракон.

И вдруг сказал – не голосом, глазами, но слова в сознании Старого Хрофта прозвучали так же ясно, как и произнеси их сын Локи вслух: «Тебе будет легче убить меня, дядя».

Волк прыгнул. Его встретил молот Отца Дружин, молнии брызнули в разные стороны, охватив Фенрира живой сетью; запахло палёным, Старый Хрофт уклонился, но и сын Локи удержался, не сорвавшись вниз, в мокрый овраг; извернулся, кинулся вновь – молча, окутываясь плотным дымом. Как показалось владыке Асгарда – дымом становилось само волчье тело, как и у Хель.

– Что за колдовство?! – взревел Ас Воронов. И, вдруг разом поняв, обернулся: – Ты?!

Там, где совсем недавно застыла груда изломанной брони, не защитившей Гульвейг, Мать Ведм, уже никого не было.

– Ха. Ха-ха... – донеслось со стороны, где всё ещё сопротивлялась пожиравшему её проклятию Хель.

Второй бросок Фенрира едва не стоил Отцу Дружин правой руки. Молот отбросил волка, точнее, оттолкнул – Старый Хрофт по-прежнему не мог ударить в полную силу.

– Пророчество... исполнится, – прохрипела дочь Локи.

Волк прыгнул и в третий раз, и теперь сумел извернуться в воздухе, словно у него отросли внезапно крылья. Молот мелькнул мимо, а владыку Асгарда словно ударило в грудь стенобит-

ным тараном. Фенрир уже терял телесность, становясь сотканной из тёмного дыма сущностью, где алым горели пасть да пара глаз.

– Это не ты! – Отец Дружин упал тяжело, спиной, и боль ослепила на миг, словно простого смертного.

Алая пасть, обрамлённая дымом, горьким, жгучим. Клыки – вот они – смыкаются...

Старый Хрофт ударил – сбоку, держа молот под самым оголовком.

Дым рассеялся, трескучие молнии обожгли Асу Воронов щёки. На грудь рухнула страшная тяжесть, потоком хлынуло что-то горячее и липкое.

...Отец Дружин едва вывернулся. Перед ним, стремительно увеличиваясь, возвышалась туша Фенрира – с волка спали уменьшившие его чары, он вновь становился исполином, но, увы, лишь в смерти. Голова разнесена, череп с одной стороны превращён в мешанину осколков. Кровь хлещет потоком из жуткой раны, пар клубится над багряными струями.

«Тебе будет легче убить меня...»

Старый Хрофт выпрямился. Боль стрельнула от шеи вниз по спине, словно у простого смертного. Неудачно упал – хотя могут ли «неудачно упасть» Древние Боги?

Фенрир лежал, не шевелясь, густой мех слипся от крови. Отец Дружин потянулся, закрыл волку веки. Осторожно погладил так и оставшуюся взъерошенной шерсть. В смерти сын Локи вновь стал гигантом, так угнетавшее его заклятие перестало действовать.

– Ха, – раздалось сбоку. – Ха. Ха-ха, – и хриплый кашель.

Владыка Асгарда обернулся, так быстро, словно там его ожидали все гримтурсены Йотунхейма.

Хель только и смогла, что едва приподнять голову. Из рта её, из носа и глаз, из ушей, словно кровь, сочился плотный серый дым. Оставленная зубами Фенрира рана расплзалась, пожирая плоть, оставляя от неё лишь тёмный пар.

– Твоё пророчество – ничто, – бросил Ас Воронов. – Вот он я, стою, а мой племянник...

Разложение уже сожрало половину лица Хель, там сквозь истончившуюся плоть проступали кости.

– Ещё совсем чуть-чуть, – прошептала она. – И, Нарви, муж мой, я тебя увижу.

– Никого ты не увидишь. – Один шагнул к ней, поднимая молот. – Но я милостив. Ты умрёшь быстро и без мучений.

Губы Хель почернели и испарились, обнажив зубы и челюсти, голос звучал еле слышно, однако страха в нём так и не появилось:

– Повернись, дядюшка.

Руки её полыхнули – но пламя это словно бы состояло из одного только дыма. Плоть исчезла, оставляя нагие кости, Хель закричала, словно захлёбываясь хлынувшим из груди плотным серым паром. Исполинская туша павшего волка содрогнулась, огромные лапы согнулись, подобрались, отталкиваясь от земли.

Мёртвые глаза вновь открылись, однако в них не было даже сакраментального багрового огня – лишь пустота, тьма да тёмный дым, сочившийся из провалов в черепе.

Отец Дружин размахнулся. Они с волком ударили друг в друга разом, сияющий молот раздробил в пыль громадный, словно котёл самого Эгира, череп, разнёс вдребезги позвонки – и послушно рванулся обратно, в метнувшую его руку.

Но и клыки Фенрира, каждый размером с копьё, насквозь пронзили грудь Старого Хрофта.

В первый миг он не поверил, он даже не ощутил боли. Напротив, стало очень-очень легко, свободно и спокойно – я сразил оживлённого чарами кадавра, я победил!..

Он хотел повернуться, посмотреть в глаза Хель – если у дочери Локи ещё оставалось бы, чем смотреть – и вдруг ощутил, что падает, что со всех сторон наваливается темнота, что всё горит огнём и ноги уже не повинуются.

Он понял.

У него хватило ещё сил обернуться и гаснущим взором увидеть, как молот словно сам собой отделился от его ладони, пролетел ослепительной, разбрасывающей снопы искр, звёздной кометой, врезался в Хель – собственно, уже не в Хель, а в грудь слабо шевелящихся, полуобнажённых костей. Брызнули их осколки, вспыхивая, словно сухие листья.

– Я... тебя... достал...

– Спасибо, дядюшка, – услышал он негромкое, печальное и умиротворённое.

Над останками жуткой великанши поднялся призрак – юная и прекрасная дева с пушистой косой ниже колен, в празднично расшитой рубаше, с налобником и всеми височными кольцами, положенными при свадьбе. Чуть колыхнулся длинный подол.

– Прости меня, – нагнулась она к распростёртому Хрофту. – Я ненадолго тебя переживу. Но зато я побуду с Нарви. Хоть немного, но побуду.

Она выпрямилась, широко раскинула руки, словно пытаясь обнять всё вокруг:

– Я исполнила твою волю, великий! Исполни и ты своё обещание!..

Отец Дружин умирал и никак не мог умереть. Огонь немилосердно терзал его развороченные внутренности, однако древний Ас всё равно успел увидеть бегущего навстречу Хель юношу, узнал в нём того самого Нарви, единокровного брата Хель, взятого ей в мужа.

И закрыл глаза.

Сила покидала его, страшная, великая сила Древнего, рвалась на свободу. То ли творить новые миры, то ли сжигать старые – он отдавал всё, всю кровь, до последней капли.

Ему уже случалось хаживать по самому краю пропасти небытия. Он висел, пронзённый собственным копьём, на ветвях священного ясеня; он погружался в источник магии, забивший в Асгарде Возрождённом; но сейчас его час и впрямь настал.

Прощайте, асы. Прощай, Рандгрид, дочь моя. Прощай...

Волк и Один замерли, застыли. Всё вокруг них – овраг, бревно, в него провалившееся, лес – стало таять, распадаться серой бесцветной и бесформенной мглой.

Последними исчезли кости Хель.

А тела Старого Хрофта и волка Фенрира так и оставались висящими в пустоте, и, случись тут способный по-настоящему видеть маг, он разглядел бы медленно поднимающийся ввысь вихрь, светлый, едва заметный на сером фоне; он уходил высоко, очень высоко, властно раздвигал плотные занавесы, исчезая там, где медленно кружили, плавно вздымая и опуская крылья, Белый Орёл с Золотым Драконом.

Император

Серебряные Латы наступали мерно, неколебимо – столь же совершенная боевая машина, как и хирд гномов. Ну, *почти* столь же.

Эльфы пытались отступать. Стреляли, отбегали, тянули тетиву, целились, отпускали; но первый и лучший легион Империи этим не удивить. Тем более, если перед строем, несмотря ни на что, шагает сам Император в знаменитых от моря и до моря доспехах с вычеканенным на груди царственным змеем, коронованным василиском.

Левая рука, охваченная *той самой* латной перчаткой из кости неведомого зверя, онемела почти до плеча, однако эльфийские стрелы так и не пробили удерживаемой Императором незримой преграды, прикрывшей легионный строй.

На первый взгляд казалось – легконогие стрелки могут отступать и отступать, и под жалящей тучей тяжёлая пехота рано или поздно остановится, сломается, повернёт или, того лучше, рассыплется.

Серебряные Латы не останавливались, не поворачивали и уж тем более не рассыпались. Шагали и шагали мерным своим шагом, каким умели покрывать лигу за лигой, в полном воору-

жении, пока их «лёгкие» противники не выдыхались в своём беге. Или пока у них не кончались стрелы с дротиками. Или пока им в бок или в спину не ударял резервный легион.

Но здесь не было резервных легионов, и отступлению эльфов ничто помешать не могло. Император, правда, надеялся, что колчаны у тех опустеют. Призванные на битву Орлом и Драконом не испытывали ни голода, ни жажды, но кто знает, распространяется ли это и на неисчерпаемость боевого припаса?

А потом кто-то осторожно так постучал в двери его сознания.

Глянули в упор миндалевидные глаза на заострённом, хищном, но и прекрасном лице.

Шевельнулись тонкие губы, дрогнул меж ними розовый язычок.

«Умри», – отчётливо разобрал Император.

Смерть обычно является с холодом. Холодна раскрытая могила. Холоден остывший труп. Жизнь – это тепло; не-жизнь – лёд. Однако эльфийская колдунья слала не хлад, но жар.

Жар висящего в зените солнца, что убивает всё живое в песчаных пустынях.

Полыхание погребального костра, очищающего кости от плоти.

Кровь вскипает и испаряется. Жилы лопаются, глаза вздуваются и вытекают парой чудовищных и последних слёз. Жизнь разлетается, подобно золе, раздуваемой ветром. Жизненная сила вспыхивает и сгорает, не оставляя даже пепла.

«Улетай! – скомандовала эльфийка. – Улетай, гори, сторай, ты свободна!...»

«Я тебе покажу “свободна”», – строго подумал Император.

От костяной перчатки рванулся спасительный холод. Жгучий мороз, словно в зимнюю полночь, растёкся по жилам, сковывая разбушевавшуюся кровь.

Владыке Мельина почудилось, что на пальцах с треском ломается вдруг выросший там ледок – нет, показалось, показалось...

Холодная стена его собственной воли теснила пришлицу, и вся её огненная сила не способна была растопить ледяную броню Императора.

Ах, ну да, конечно же – ведь там, в «настоящем» мире, он умер. И жив лишь милостью Учителя Ракота...

«Нет, – упрямо сказал он огненной смерти, – всё не так. Я жив, но не в твоей власти. Холод – это блаженная прохлада тени. Катящихся речных струй. Родниковой воды на потрескавшихся губах. Морозец и лёгкий снежок зимних забав, беззаботный смех и шелест коньков по речному льду. Мир и покой дремлющего под белым покрывалом леса, уснувшего до весны, уснувшего, но отнюдь не умершего».

...Ледяной щит принял на себя удар огнистой стихии. Языки пламени лизнули поверхность, но расплавить не смогли, поспешно отдёргнулись, словно в ужасе. Лицо эльфийской колдуньи исказила ярость, и та исчезла.

Ледяные когти впивались Императору в шею, ползли вниз, так что онемела уже почти половина тела. Некогда перчатка пила его живую кровь, теперь, как видно, просто морозит.

Конец близок, подумал владыка Мельина. Сошлись равные. Тайде, моя Тайде – что ж, Кер-Тинор сумеет о тебе позаботиться. Да и Учитель Ракот обещал не оставить.

Он встряхнулся. Хоть и одеревеневший от мороза, хоть и в ледяных тисках, он мог идти и сражаться. Эльфы впереди начинали останавливаться, растерянно озирались, и было отчего: за их спинами чудовищным горбом поднималась серая стена, словно само пространство здесь не желало их отступления.

Серебряные Латы заметили это тоже.

– Ага! Не уйдут! Даны богомерзкие! – пронеслось над рядами.

«Не уйдут, – подумал Император, сам отыскивая уже эльфийскую чародейку. – Не уйдут. Никто не уйдёт. Победителей не будет».

Но последний бой нужно всё равно дать так, словно впереди ещё целая война. Они, воинство Империи, которая там, где её Император, сразятся и одолеют.

Он тянулся вперёд, сам вызывая образ колдуньи-эльфки. Миг, другой, и вот она перед ним, так же ярко и реально, словно за одним столом.

Меч Императора оставался в ножнах. Левую руку, совсем потерявшую чувствительность, пришлось приподнять живой правой; холодные незримые капли срывались с кончиков пальцев, не достигая здешней «земли», оборачивались острыми крючьями чистого льда. Они рванулись вперёд стайей злобных шершней, и владыке Мельина даже почудилось их сердитое низкое гудение.

...Эльфка учуяла его удар, ответила даже быстрее, чем чары её достигли; лучники выпустили целый рой стрел, и каждая оставляла за собой зеленоватую дорожку, словно охваченная странным пламенем цвета молодой травы.

Император встретил их верным и добрым щитом, однако стрелы на сей раз несли на себе что-то посущественнее, чем просто воспламеняющие чары. Эти заклятия вцеплялись в сам щит, начинали его жадно грызть, словно мыши – мешковину, в усилиях добраться до лакомого зерна.

Чары обошлись эльфам недёшево, Император заметил падающих стрелков, хотя их не достиг ни один пилум. Видать, их колдунья, не мудрствуя лукаво, жертвовала частью собственных бойцов.

Щит Императора стремительно разваливался, прорехи в нём становились всё шире, и как остановить это чародейство, он уже не знал.

Но вступило оно в бой слишком поздно, Серебряные Латы подобрались на расстояние прямого удара и, под нарастающий глухой рёв сотен и сотен глоток, центурии, нагнув короткие пилумы, устремились вперёд.

Вейде

«Проклятый чародей. Проклятый!...»

Этого хозяйка Вечного леса никак не ожидала.

Ледяные крючья настигли её, рвали одежду, пытаясь впиться; эльфы-телохранители сомкнули ряды, несколько особо метких ухитрились поразить стрелами творения чуждой магии – те рассыпались холодными колючими осколками.

Но своё дело они сделали.

Вечная Королева отвлеклась, упустила нить боя – и опоздала, не успела дать команду рассыпаться, когда за спиной у них начала вздыматься серая гора, словно злая воля здешних хозяев отрезала её подданным последний путь к отступлению.

Воины в серебристых латах дружно вскинули короткие копья.

Вейде уже знала, что сейчас случится, но отвести и защитить смогла лишь крохотную кучку тех, кто оказался рядом.

Смертельный дождь из пилумов, пробитые навывлет тела, брызнувшая прямо поперёк лица королевы горячая кровь её защитников. Стена серебра, составленные вместе щиты, удаляющиеся, словно их – десятки и сотни – держит одна исполинская рука. И эльфы, её эльфы, с их лёгкими клинками, никогда не полагавшиеся на плотный строй...

«Для этого я тебе понадобилась, Вран?! Убил бы лучше сразу!»

«Сразу – нельзя, – последовал холодный ответ. – Сражайся, королева!»

Она сражалась. Послала к воронам осторожность, позволила силе течь свободно, несдерживаемо; перед легионерами рванулись из серой земли разящие зелёные листья, острые и длинные, словно кинжалы; давящие лианы зазмеились бесконечными лентами, накидывая петлю за петлей.

Падали целые ряды воинов в серебряных латах; однако так просто они не сдавались, мечи-гладиусы рубили душащие व्यюны, щиты набрасывались поверх острых ножей травы; люд-

ской строй не сломался, легионеры давили и давили, и Вейде, вдруг оглянувшись, не увидела рядом с собой никого в зелёном.

А прямо на неё шагнул высокий воин в броне с вычеканенным на груди коронованным змеем. Левая рука его, закованная в костяную латную перчатку, источала смертельный холод.

Волны его охватили королеву, затопили, потянули, словно водоворот. Она не могла ни шевельнуться, ни даже охнуть, не говоря уж о каких-то чарах. Не могла нанести последнего удара, даже пожертвовать собой – и то не могла.

Единственное, что оставалось, – не зажмуриться. Не порадовать врага хотя бы этим.

Арбаз

Гном вёл свой мёртвый отряд куда глаза глядят – до того момента, пока не увидел впереди сближающиеся армии. Одну он узнал почти сразу – императорское воинство Мельина, Серебряные Латы, лучший легион престола. Другие казались эльфами – и, рассыпавшись, отступали перед надвигающимся правильным строем тяжёлой пехоты.

Признаться, Арбаз растерялся. Столпившиеся у него за спиной зеленокожие, его мёртвый отряд, молча и недвижно ждали; им-то всё равно, с кем сражаться.

А вот какой выбор сделаешь ты?..

А как поступил бы Аэтерос, Учитель?

Остался бы над схваткой? Ведь ни эти неведомые эльфы, ни тем более имперские легионы Мельина не враги ученикам великого Хедина.

Наверное, даже больше того – Учитель постарался остановить бы кровопролитие. И он, Арбаз, на это способен – его-то отряд мёртв, в отличие от бьющихся перед ним воинств.

Шр-р-р – прошумели вдруг над головой огромные крылья.

Гигантский ворон опустился прямо на серую твердь перед гномом; два огненных многозрачковых глаза воззрились на него в упор.

– Чего ждёшь? – гневно каркнул ворон. – Чего медлишь?

Арбаз молчал. Как бы то ни было, изначально на бой он вёл живых, а сейчас за ним следовали лишь мертвецы. Битва близка к исходу; и ясно, что никто не победил, что никто и не мог победить.

– Чего хочешь ты от меня, великий?

– Чтобы ты поставил точку, гном Арбаз.

– Точку в чём?

– Ты уже сам догадался. В битве сил. Всё уже готово, соткано полотно, осталась последняя нить.

– Те, что сражаются там? Хочешь, чтобы я ударил им в спины?

– А зачем же ещё тебя сюда привели? – удивился ворон. – Последняя нить осталась, я сказал!

– Так содейя это сам. – Гном опёрся на огнеброс.

– Сам? Как это – сам? А ты зачем здесь, смертный? Да и гоблины твои – в чём душа ещё держится!.. Срок им совсем уже близок, ни к чему они тебе более. Умерли сколько положено раз – и хорошо. Вот один ты и остался. Пора уже, пора, Арбаз, голубчик. Пришло время – наше время, а ваше, выходит, всё вышло.

– Ну, раз вышло, – гном уселся прямо там, где стоял, – то сам и справляйся, великий. Сила есть – кирки не надо, как у нас говорят. Голыми руками скалы ломать будешь?

– Смеяться решил, – удовлетворённо сказал ворон. Прошёлся туда-сюда. – Это хорошо. Значит, силы в тебе ещё остались. Тогда слушай же, Арбаз-гном, Хедина ученик. Время этому существу истекло. Да, да, текло вот так вот, по капле – да всё и кончилось. Не одному миру, не десятку и не сотне – всему, что есть тут. С одной стороны Хаос наступает, с другой – эти

болваны Дальние свой сверхкристалл ладят. Да ещё и Неназываемый со Спасителем, чтоб их всех. Хаос хочет, чтобы никогда ничего кроме него бы не возникло, Дальние думают, что ежели всех перебить, всех в зелёном льду заморозить, то возникнет новый Творец, да ещё и краше прежнего. Ты уж прости, гноме, что я так, по-простому да по-скорому, нет времени на долгие рассуждения с доказательствами. Так вот, чтобы ничего бы этого не случилось, и нужно наше полотно. Доброе такое, из душ бесчисленных свитое. Душ не простых – отборных, через многократную смерть прошедших. Вот и требуется теперь всего лишь одна, последняя нить. Ещё, конечно, узелок завязать, но этим уже другие займутся. Давай, гноме, зря, что ли, огнеброс таскал всё это время?

Жуткие глаза ворона глядели Арбазу прямо в душу.

– Всё, всё вижу, – сказала птица. – О чём мечтал, как к Аэтеросу своему пришёл, как добро да справедливость сеять хотел. Вот и давай. Последняя справедливость, которая ещё не восторжествовала. – Он махнул крылом, словно человек рукой, указывая себе за спину. – Всем нам тут совсем немного осталось. Для всех в полотне Орла и Дракона место найдётся. Не мучай их, которые сражаются. Они умирают – и воскресают, и им больно, очень. Как и твоим гоблинам было, пока не обратились они в кукол ходячих. Ты знаешь, что надо делать, гноме.

Арбаз медленно поднял огнеброс.

Перед ним, прижатые к серой стене, умирали эльфы – во множестве. Умирали, пронзённые копьями и гладиусами Серебряных Лат, умирали, сбитые с ног щитами и затоптанные, умирали – чтобы вновь подняться и умереть вновь.

Имперские легионеры умирали тоже – Перворождённые дорого продавали жизни. И точно так же поднимались, словно ничего и не заметив, продолжая сражаться.

– Последняя ниточка, – нетерпеливо каркнул ворон. – А потом ещё узелок. Ну, давай!

Словно зачарованный, Арбаз приложил огнеброс к плечу. Ствол уставился в небо, которого тут не было, в ненавистную серую хмарь.

«Вот и всё, да, Аэтерос?..»

– После дня Рагнарёка, когда погибнет мир, рухнет небо, погаснут солнце, луна и звёзды, из мировой бездны всё равно поднимется новая твердь, – заметил ворон, даже не скрывая, что читает мысли гнома. – И гномы выйдут тогда из подземных залов с великой цепью, keđjan mikla, и скупят навечно зло. Так ведь, Арбаз? В это ты веришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.